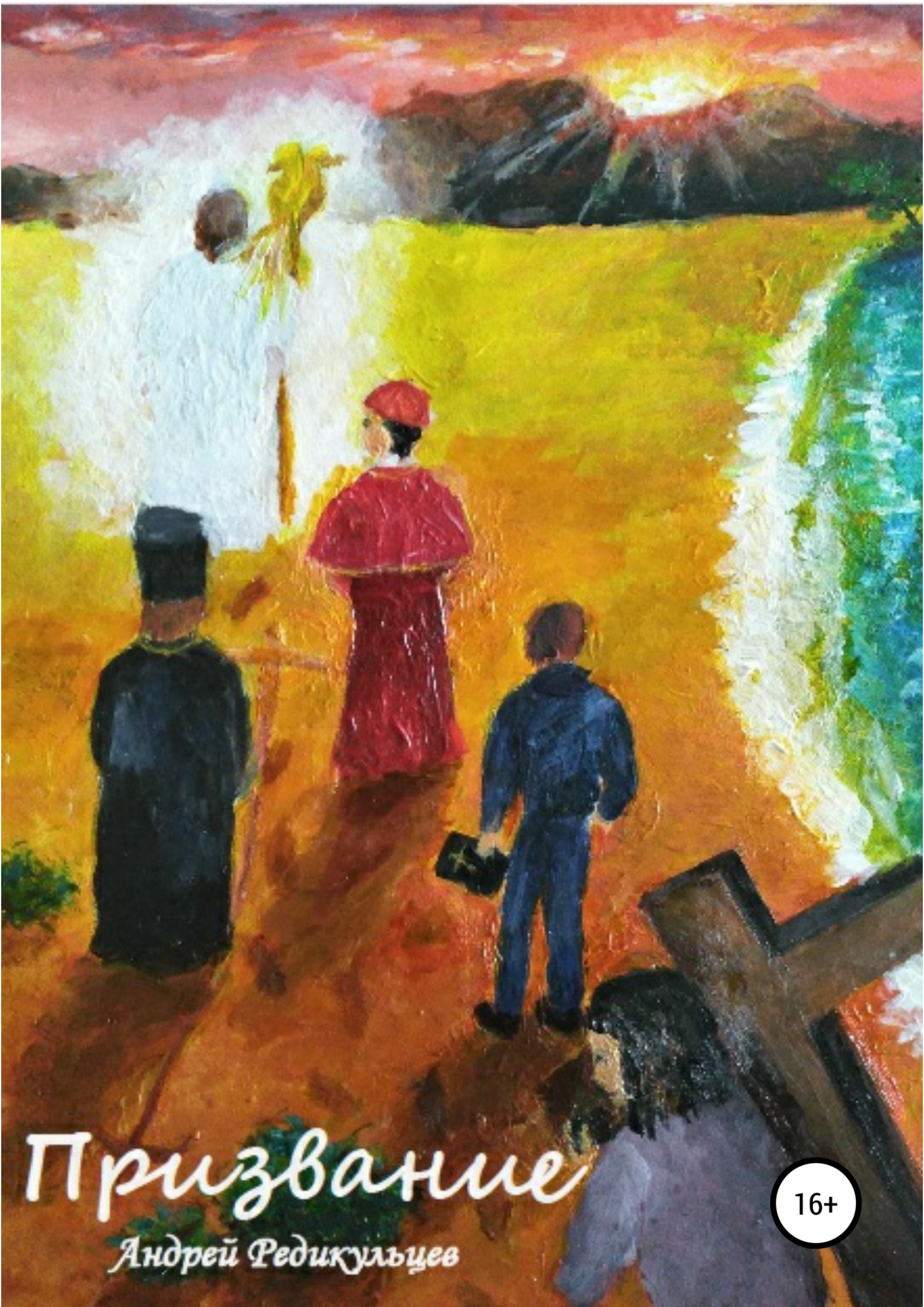

Призвание

Андрей Редикунцев

16+

Андрей Редикульцев

Призвание

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Редикульцев А. Н.

Призвание / А. Н. Редикульцев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сюжет романа разворачивается в Москве XXI столетия, где главный герой — студент Митя Ветрин пытается ответить себе на извечный вопрос бытия: «Кто Я?». События в жизни молодого повесы стремительно меняются с каждой главой. В один из самых мрачных своих дней он, совершенно неожиданно, лицом к лицу встречается с Иисусом Христом. Это кардинально поменяет всю его судьбу! Мы увидим с вами становление, трансформацию личности героя и безусловную веру в Бога! Приняв от самого Спасителя пророчество о Церкви Христа последнего времени, он явит его своей жизнью... Духовное пробуждение заставит всколыхнуться всю Россию! Художник-оформитель Кизимова С.А.

© Редикульцев А. Н., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Кто не берет креста своего и следует за Мною,
тот не достоин Меня.
(Матф.10:38)

Кружит снег, а мне не спится.
Зимний вечер над столицей.
Слышу пенье – звездный хор,
И Луны печальный взор.
Хватит темных черных красок!
Светлый луч впусти в свой дом!
Пусть сиянием, без масок
Повестит Луна о том:
Что хранит её молчанье,
Что хранят её уста,
В ком найдет своё признание,
С кем забрезжится верста...
Ночь темна и мирно город спит,
Здесь Луна созвездью говорит!

Круглолица и бледна
Нам осветит спящий град,
С вышины бросая взгляд,
Видит всё. Я взору рад!
Пусть хладны её лучи,
Но осветят путь в ночи
Всяку страннику в дороге;
И тому, кто во чертоге
Милого иль милу ждет
И в тревоге не найдет
Места – ведь покоя нет...
Успокоит кроткий свет!

Спит Москва иль только дремлет?
Жизнь ночная в ней бурлит;
И никто уж не отъемлет,
И никто не возбранит –
Бары, казино и клубы,
Их пленительный уклад...
Жизням молодым так любы,
Ярки вывески манят:
«Мы всегда вам будем рады,
Песнь споем вам для услады!»
Время чудно проведешь,
Если в клубе не заснешь.
Зазевался – в дверь пора,
Так уж слажена «игра»,
Не позволяют, раз ослаб –
Бдит подкаченный сатрап;
Он не глянцевого лакей,

Враз спровадит, гнав взашей.

Там гуляет шумно племя,
Прожигающее время,
В диско-барах до утра, –
Что же, в плен взяла хандра?
Нет, хандрою здесь не пахнет,
Здесь душа в безверье чахнет:
Что чиновнику, стране...
Равнодушие к старине!
Русская хандра опасна
И бывает так ужасна,
Коль душа в унынье впала
И тоска вонзила жало –
Быть беде, ну а в безверье
Можно стать опасным зверем,
Добрых дел не сотворить,
Только злыми станешь жить.
И о сем спешу я, други,
Возвестить вам свой рассказ,
На весь свет, по всей округе,
Слушай песню, стар и млад!

Часть I

Глава 1

Слышу голоса хмельные,
Крики шумные толпы –
Митя легок на помине,
Лица красны, потны лбы;
Напролет всю ночь играли
В казино, где пьян азарт,
Где играет модный бард
Непонятные мотивы – авангард!
Взять такси, да денег нет –
Проигрался весь, раздет!
И друзей уж след простыл,
Вспоминает: кто ж с ним был?!

Пьян. Ведет его дорога.
Ноги помнят – не забыли,
Доведут и до порога,
Где толпой всегда кутили
На квартире, что оставил
Дядька, прапорщик в отставке,
Он уехал к своей бабке
В Крым, редис растить на грядке!

Я бы чайкой там морскою

Воспарил над хлябью синей,
С ветром наравне к прибою
Я б летел, дивясь пучине,
Что зовется морем Черным –
Не видать конца и края,
Здесь забыт кусочек рая,
В берегах лазурно-темных.
Там закат багряно-алый
Взор пленит любовноокий.
Люд любой – велик и малый
К берегам манит широким!
Но отвлекся я, лелея
Край, где сам бывал когда-то,
Радуюсь красой заката,
От любви к природе млея,
Я забыл, что Митя наш
Уж пришел, добрел к порогу;
Жив, здоров, и «слава Богу»!

Кто он, что забыл в столице,
Чем живет, откуда родом?
Искуситель светской львице
Или ангел пред народом?
Что ж, уважу я ответом,
Все вопросы – справедливы,
Как слеза плакучей ивы,
Искренны под лунным светом...
Все под сению ночи,
И молитва в три свечи!

Утро солнечным рассветом
Дали красит алым цветом –
Бирюзовый горизонт,
Будто в пламень погружен.
Солнце над Москвой – царицей,
День январской рукавицей
Согревает нас вдвойне –
«Новый год» по всей стране!
Праздник дарит настроенье,
Торжества предвосхищенье!
Сердцу ль русскому не знать,
Как умеем мы гулять...
От души широкой, гульной,
И при этом не ходульной,
В простоте пирует люд –
Ломятся столы от блюд,
Где известный «Оливье»,
Как традиция в семье –
Король всех яств; ну а пития

Тут не традиция! Сия
Причина кроется во мраке,
В рубахе ль ты иль в модном фраке,
Природа зиждется внутри,
И как ты русских не жури,
Пьют много, коль причина есть,
И без нее – не нова весть!

Новый год пьянит весельем,
И нарядов украшением;
Елки праздничны, шары,
Блеск пестрящей мишуры
На витринах и в домах;
На широких площадях
Красочны гирлянды виснут.
В эти дни негоже киснуть!
Вся столица песнь поет...
Сказка детства – Новый год!

Хороводы, песни, пляски...
Современные салазки
Мчатся с горки ледяной,
В них когда-то мы с тобой
Также весело катались,
И резвились, и игрались.
Годы шли, ну а теперь?
Этот праздник – в детство дверь!
Детство, друг, не забывай,
С ожиданием встречай
Ты не только «Новый год»!
День дарован! Счастлив тот,
Кто себя средь дней нашел
И к призванию пришел!
Тех прекрасен жизни путь,
Кто осмелился шагнуть,
Вопреки советам, мненьям,
Философиям, ученьям,
Внемля сердцем глас призыва,
С неба приняв директиву,
Своей верой водворяет –
Жизнь с избытком созерцает!
Герой, увы, того не знал,
Как умел, так и живал!

Что ж, вернемся. Он проснулся,
С ленью в ложе потянулся;
Видом мрачный и больной,
Недовольный, даже злой.
Гнев его понятен мне:

Жизнь ночная – боль главе!
– Голова болит – нет мочи! –
Открывая мутны очи,
С хрипом Митя простонал.
В ту минуту он мечтал,
Горло чем-то промочить,
Снять похмелье, отменить
Головную тяжесть, мленье
И души опустошенье.
Силясь, в локти упираясь,
Он присел на край, качаясь,
В мятой розовой сорочке,
Низ – в исподнем. На цепочке
Крест болтался на груди,
С тыльной – надпись: «Огради!».

Ноги в тапки продевая,
От души, в весь рот зевая,
Ветрин начал подниматься,
В полумраке озираться,
Чтоб заветную сыскать...
Снова рухнул на кровать,
Не от слабости, хотенья –
От большого удивленья –
Вся гостиная вверх дном:
Две «Мартини» под окном,
Осушенных там стояли
И надежды не давали.
Бутерброды с мишурой,
Под лососевой икрой
В центре, на полу валялись;
С ними рядом красовались
Три испанских от вина
И армянская «Двина».
Все испиты! На столе,
Средь закусок, в хрустале
Засыхала «Сельдь под шубой»;
Здесь же рядом медной тубой
Был накрыт «Марсель» салат,
Да разбросанный шпинат,
И окурки под столом...
В общем – тут царил погром!
Все ж, больной кривясь, шатаясь,
Брел с надеждой, оступаясь
По скрипучему полу,
В направлении к столу.
В кресло рухнул от бессилья
У стола, и штор мантилья
От порыва колыхнулась,

Вьюгой снежной распахнулась
Настежь форточка окна.
Терпкий запах от вина
С подоконника струился,
Позабывтый в днях, хрусталь
Шторой сваленный разбился,
Об паркет – фужер «Версаль».
– Не успел... Какая жалость! –
Он, с сарказмом бредя; вялость
Заставляла так сказать.
Слабость стала понимать,
Безразличьем сердце грея.
От бессилия трезвея,
Наш гуляка стал кивать
Отраженью; где кровать,
Здесь трюмо в углу стояло,
В нем пред выходом, бывало,
Ветрин часто красовался
И собою любовался.
– Да!.. Заплыл лицом немного,
Выпито знать было много
В день вчерашний иль какой? –
Рассуждал он сам с собой.
Вспоминал, как все началось:
У Кремля на Ёлке малость
Был с друзьями, голосил,
Пил не много, больше лил;
В след за тем – воскрес «Ковчег»,
Здесь огромный вышел чек;
Дальше запестрил Арбат –
Танцы, песни невпопад,
Кадром, медленно всплывали...
Там в «Метелице» играли,
Кто в «рулетку», кто в «блек-джек»
Долларов с пяти разбег –
Митя Ветрин мотом слыл.
Пыл героя охмурил...
После дача. Где-то спал,
Снова пил... так пролетал,
Верно кряду третий день.
Не дивлюсь тому – мигрень,
Стала парня донимать,
Не давая долго спать...
Праздной жизнью увлеченный,
И собою поглощенный,
Он ученье презирал,
По ночам кутил, играл.
Радостью таких влечений
Был наполнен каждый день.

Жизнь не жизнь без приключений!
Спал, пока исчезнет тень.
Ночь любил... Ночная тайна
В нем рождала страстный пыл,
Взор красивый свой, печальный
Не луне одной дарил...
Он – философ вольных щей.
Расскажу о нем – скорей!

Глава 2

Из Обдорска Митя родом,
Жил он с северным народом
На Ямальской стороне,
В снежной сказке, сладком сне!
Годы, месяцы, недели
Очень быстро пролетели
Митя Ветрин подрастал,
Расставанью час настал.
В институт, туда дорога.
Вышли, встали у порога.
Молча с родными простился
И в далекий путь пустился.
«На Москву, красну столицу –
Покорить хочу царицу!» –
Думалось ему в дороге.
Есть ошибки в моем слоге,
Пусть простит читатель мне
Вольность эту при луне!

Детства времена прошли,
Мысли грустны снизошли
На Митю, моего героя,
Пред окном курил он, стоя,
Тамбура, взирая вдаль.
В сердце Ветрина печаль;
Покидал он край родной,
И хоть плач, хоть волком вой,
Но родней своих берез
Не найдешь... В душе психоз!
Призадумался с тоской:
«Жизнь, как шторм, как вечный бой!
Отыщу ль свою дорогу
Иль ходить на босу ногу
Мне скитальцем по стране?»
Сомненье вкралось в глубине,
Он с ним боролся, подавлял,
Души унынье отгонял,
Томясь в секундном рассужденье,
Поймав нить мысли, вдохновенье:

«Нет, найду! Себя ль не знать!..»
Оптимизма не отнять!
Да, таков он есть, не спорю,
Не давал скрутить он горю
Сердце ль, душу – все равно,
Понял это он давно:
Коль придет к тебе печаль,
Коль себя вдруг станет жаль,
Сторониться чувств таких,
Тех, что часто бьют под дых...
Хранил покой, минув волненья,
Такого рода, как сомненья;
Не чуждый жалости людской,
Он, впрочем, с чистою душой,
Как ведал, ближним помогал:
Авоськи бабушкам таскал...
Участлив в нуждах, он не зверь,
Но спать ушед, захлопнув дверь.

Лег в купе, да все ж дремать
Он не смог – жестка кровать!
Подложил аж два матраса,
И смягчилась бы гримаса
На его лице раз в пять –
Стал сосед подтрунивать;
Молвил он: «Не стар, а юн,
Молод ведь, а уж ворчун!»
Митя наш краснел и злился,
Но поняв, прилег, смирился
С откровением таким,
Хоть и был всегда раним
На подобны замечанья –
Не было ведь в сём ворчанья,
Лишь сердечное желанье
Спать помягче – все признание!

В одеяло завернувшись,
Ликом к стенке отвернувшись,
Томно начал друг зевать,
Свои очи закрывать.
Мысли тихо поплыли,
Словно в море корабли.
Вспомнилось ему раздолье:
Бела даль в широком поле,
Птица вольно здесь парит,
С высоты ей вид открыт
На леса, поля и горы,
А в лесах полярны совы,
На ветвях, и словно воры,

Притаясь, добычу ждут,
Зорко в темень стерегут.
И Уральских гор вершины,
Митя быстро начертал:
Гору красную Рай-Изу,
Черну гору он знавал...
И не раз в местах чудесных
С дедом со своим бывал.
Много слов он слышал лестных
От людей, гостивших в крае:
Зимний вечер на Ямале –
Сказка! Севера сиянье
Там пленит любому взор!
Вот деревьев очертанье –
Елей, лиственниц вблизи гор,
Память вновь его рождает,
И берез красив убор,
Пышной, белой бахромой
Очи радует зимой.
После вспомянул он даму,
Марью Николавну – маму
И её лица овал...
Светлых глаз печаль соткал;
Как на таинстве крещенья
Мило всё, и утешенья
Жаждет страстная душа,
Кротко, нежно так дыша;
Митю лет шести крестила –
От дымящего кадила
Запах ладана, свечей,
Также медленность речей,
Возглас твердый и простой,
Колокола звон густой...
Как толпились, создав гам,
Сонмы душ при входе в храм.
Воссоздал нешумный град...
И последний снегопад
Он особо полюбил –
Ночью ветер выюгой выл...
Проводив её домой –
Та звала его с собой...
Ночь темна, свеча горит!..
В поезде мой Митя спит, –
Спит под ровный стук стальной,
Вдруг девы стройной, молодой
Образ перед ним предстал,
Голос нежно, тихо звал:
«Митенька иди за мной!»
По спине то хлад, то зной –

Грезилось ему во сне:
Дева, радуясь весне,
Пела и рвала сирень;
Солнцем заливался день.
Ах, краса и что за дива,
Словно лань лесна игрива,
Черны распустив власы,
Знать, не признает косы;
Локоны по ветру вьются,
Ароматы так и льются
От бутонов ввитых роз –
Грациозный симбиоз.
Слышит пенье райских птиц...
Митя мой, припадши ниц,
Словно с ветром быстрым слился,
Вмиг пред нею очутился;
Ветрин к деве, девы нет,
Уж простыл её и след.
Только вороны кружат,
Каркают: «Что, милый брат,
Упустил красу младую,
Девку стройну, озорную?»
Наш герой к земле прильнул,
Камень взял и в них метнул.
Разлетелись важны птицы,
Всем вещать про небылицы.
Вдруг, мгновенно, всемогущи,
Налетели тучи злющи –
Громы, молнии метают,
Сердцу ужас навевают...
Что случилось? Но туман
Появился, как обман,
Кутает и переносит
С легкостью на остров, – сбросив,
Где о скалы волны бьются,
Вороны вновь черны вьются
Над главой, кричат: «Постой!
В море вон корабль твой!
Ты плыви на нем к девице,
Ждет спасения в темнице».
Митя в море, к кораблю,
Бездны шторм кричит: «Сгублю!»
Но наш Ветрин уж не слышит,
Тяжело он грудью дышит,
Видит на песке браслет,
Как забытых лет сонет.
«Где ты, дева молодая?» –
Кликал, имени не зная,
Наш герой; а тут уж выюга,

Налетела неподруга,
С зимушкой пустившись в пляс,
Сыплет снега про запас,
Остров бархатом скрывая,
Стужей зоркость усыпляя,
Чтоб герой красу не спас...
Тот проснулся в темный час,
Ничего не понимая,
Смутно все осознавая:
Наважденье, встречу, сон!
Ветрин сильно изумлен,
Что ночное randevu
Ощущал, как наяву!
«Ах, зачем же я проснулся,
С девой милой разминулся? –
Вопрошал он, сокрушаясь,
Сновиденьем умиляясь,
Размышлял: – О, мне ль виденье
Предвещает искушенье?
Кто на всё мне даст ответ?»
Лишь один внемлет совет
От соседа – старца Власа,
Мудреца с иконостаса,
С ним уже успел сдружиться,
Тот учил Христу смириться.
– В жизни многое пройдешь, –
Молвил тот, – ещё хлебнешь
Досыта беды и горя,
Но и счастья будет море! –
Митя колкости простил,
Сердце к мудрости склонил
И поведал старцу Власу:
–Только бы хватило гласу, –
От волненья сбил дыханье, –
Сделать Вам хочу признание:
Сон мне этой ночью был,
Как корабль по морю плыл! –
Всё сказал, как на духу.
Перст второй держа вверх,
Старец молвил: – Тайну эту,
Дар имея по завету,
Разгадаю, не беда!
В ней событий череда...
Много снов видал я чудных
И порою очень мудрых,
Сразу и не разгадать,
В оных символ надо знать!
Есть простые сны – потехи,
Те в печали, для утех

Сердце радуют людское;
Иль подобно – колдовское,
Что ты ныне увидал,
Вседержитель предвещал
Образ девы молодой,
Вижу по глазам, драгой
Сердцу юну твоему,
Потому и быть сему!
Встретишь ты её зимой,
Очи занавесит мглой
Дева милая твоя,
Вмиг пленит и присвоя
Жизнь твою – быть Вам рабом –
Стены рушить станешь лбом,
Но добиться девы той –
Путь мудреный, непростой!
Должен сам пройти пустыню,
Покорить её твердыню,
Море бурно переплыть,
К ней с огнем в руке прибыть;
И подобно Прометею,
Принести огонь. И с нею –
Разум свой, покой отдать,
Знай, вовеки потерять,
Вам, мой юный, милый друг...
Вижу по лицу – испуг
Овладел тобой немного,
Ты прославь в молитве Бога,
Чтобы духом вновь воспрять...
Сердце надо понимать
Девы красной, молодой;
Не ищи ты путь иной...
Чашу изопьешь сполна,
И тогда придет весна! –
Речь закончив, старец встал,
Только счастья пожелал,
Вещи уложив в суму,
Взял и вышел в полутьму.

«Знать приехал в город свой» –
Думал Митя Ветрин мой.
И с тех пор прошло пять лет,
Много уж минуло бед,
Стерся в памяти тот сон,
Коим был так опьянен.

Глава 3

Жизнь – не поле перейти!
Пролететь – не проползти!

День за днем несется вскачь,
Как на вороном лихач
Вихрем в полюшке промчит;
В колокол звонарь звонит...
Год за годом пролетает,
В памяти былое тает;
Отзвуком лишь с детства боль,
Вам, мой друг, сказать позволю:
Брак разладился у родных,
От процессов сих разводных
В сердце рана залегла
И подростку душу жгла.
После, как бы ни хотело,
Расставание назрело –
С милой Марьей Николавной,
Ставшей в жизни его главной,
И с сестрою младшей Верой.
Я не знал, с какою мерой
Горюшко соизмеримо,
И в душе неизгладима
Залегла глубоко рана.
Понял всё... да слишком рано!
Память давних лет хранит,
Жизни лист не позабыт,
И минул его уж цвет,
Жизнью новой он согрет:
Плод разгульный друг вкусил –
В казино играл и пил;
И от жизни вот такой,
Так сказать, «балдел» герой!

За учебником сидеть –
Сердцем станешь каменеть,
Говорил всегда он смело,
Речь держал свою умело:
Кто ученьем заболает –
В жизни сладкой не приспее!..
И с решением этим жил,
Факультета три сменил.
Был в начале педагогом
Физкультуры. Занемог.
После, влез на бухучет,
Получил там «незачет»,
А теперь – экономист,
Настоящий оптимист –
Много в жизни экономит,
От счетов аж полки ломит,
Где всегда кладет учет,
Перед родными отчет –

Сколь, куда, на что потратит!
Митя враз счета приладит,
Напридумав разных дел;
Немудрено! Во лжи – сквернел.

Все ж, не столько за прогулы,
Незачеты и разгулы
Факультеты он сменял,
Сколь себя во всем искал.
Больно много уж профессий
В наше время развелось,
Как бы не было концессий
Иль желанье прервалось
Мите быть, кем он захочет,
Кем судьба ему пророчит,
Словом или речью ровной
Мачехи, Эльвиры Львовны.
Только стоит ей узнать,
Что наш Митя погулять,
Страсть как любит по ночам,
И Диониса плодам
Придается столь чрезмерно,
Денег тратит непомерно –
Вмиг прервет его доход;
Но доложит наперед,
Что мол Митя наш все врет,
Ты, отец, послушай вот,
Полюбуйся своим сыном,
Уж пора его сечь дрыном...
На учебу ведь не ходит,
В казино, по барам бродит.
Надо б чадо наказать –
Денег временно не слать...
Кто б его бы образумил?!
От безделья обезумел –
Рук своих не поднимает,
Заработать не желает.
Пусть потрудится немного –
Так до часа гробового
Станет шею натирать;
Нам с тобой покойно спать
Митя твой не даст вовек.
Зверь он, зверь, не человек!
И подобными речами
Мужу спать не даст ночами;
Будет долго донимать,
На своем твердить, стоять...
Но наш Митя – молодец,
Понимает, что отец

Хоть и есть добрейший брат,
Впрочем, мог устроить ад –
Сыну сладку жизнь прервать,
Где богатств не сосчитать...
Разум в клетку заключен!
Как бы ни был ты учен,
Будешь жить под властью злата,
И любая сына трата,
Что ножом по сердцу – боль
Иль на рану сыпать соль!
Знал, что страстных он сердец,
Виктор Павлович – отец –
Без ума от этой дамы;
И, чтоб не случилось драмы,
Он умел всегда слукавить,
Дел своих отчет представить
Так, что сложно разобрать,
Может ногу черт сломать!
И поэтому беспечно
Жил наш Митенька конечно,
Во шелках, мехах и коже,
Только б было ему гоже.

Один копит, другой тратит
И себе не скажет – хватит!
На разгульную жизнь спускает,
И к искусству сердце знает
Путь, дороженьку, тропу –
Не одну любил гульбу!
В Большой – спешит на Волочкову,
В Малый – шел на Муравьеву,
Театр Ермоловой знавал –
Безруков Пушкина играл;
Гостем хожь в «Сатирикон»,
Там Аверин сел на трон,
На Пореченкова – в МХАТ
Или просто на Арбат,
Где любил герой гулять,
Вечерами размышлять.
Посетитель галерей
Али Пушкина музей;
Хаживать на Воробьевы
Иль в «Царицыно» на новых
Лодках плавать, в лес – мечтать,
Ветрин может удивлять,
Столь контрастным увлеченьем...
Хоть и плыть любил теченьем,
Но толпе не потакал,
Ни пред кем не лепетал –

На все имел свое он мнение,
Тверд всегда в своем решении,
Был характером в отца,
Так же красотой лица
Он ему был благодарен –
Вот такой вот «государин»!

Собой чарующ, я не спору,
И даже самого Париса
Он превзошел в своей красе:
Высок, стройнее кипариса,
И позавидовали б все,
Чему ж... великолепью? Горю?
Попав под власть красы своей
Легко стать пленником гордыни,
Рабом лишь ветрености сей,
Что часто можно встретить ныне;
Но миловал героя Бог,
Хоть, я-то знаю, мог бы, мог
Дать нагоняя за походку,
Уж горделиву и бородку,
Что любит иногда носить
Герой, лишь стоит отрастить.
Был худ лицом и даже бледен:
Табак здоровью очень вреден,
Но бледность эта шла ему.
Ты спросишь: Чем? – Сам не пойму!
Чуть вдавлены виски его,
И на высокое чело
Ложилась челка пеленой,
Небрежной темною волной.
Не строгим был, но строг лицом,
Бровями вблизи к глазницам;
Очам, пылающим огнем,
Дивлюсь... большим ресницам.
Люблю за темноту очей,
За пламенность и страсть речей...
На сём вернемся, повторю:
Проснулся Митя во хмелю.

Глава 4

В глубокой думе пребывая,
Сидел студент, ногой качая,
Все в том же кресле у окна;
Вихром небрежная копна
С чела свисала неуместно,
Он, угнетенный, как известно,
Похмельным взглядом созерцал
То место, где разбит бокал.

О, как хотелось вновь уснуть,
Уйти, сбежать, на все махнуть
Рукой, уставшему сознанию,
Но не поддалась злодеянию
Его изыбшая душа, –
Он, как и все: ел,пил греша,
Живя своим в главе царем,
Сжигая годы, день за днем,
Посредственностью дней влекомый...
Сюжетом старым и знакомым,
Не стану ваше время красть,
Прошу со мною созерцать
Судьбы аль Бога провиденье?
Я право за тобой решенья,
Мой друг, оставлю принимать,
Не будем время обгонять!

Приняв душ, скрепя зубами,
Он увлек себя делами:
Все прибрал, протер, подмел –
Понемногу дом «расцвел».
Выпив в кухне крепкий чай,
И вчерашний расстегай
Микроволнами согрев,
С аппетитом даже съев,
Снова рухнул на кровать,
Погружаясь в сон опять,
Вдруг вскочил, словно прозрел –
На комоде прозвенел
Новый купленный смартфон,
Его резкий, громкий звон
Мити ужас предвещает –
Что в преддверье ожидает
Не январский «Винегрет» –
Ненавистный факультет.

Сессия огнем горит;
Тех, кто книги не зубрит,
Лекции не посещает –
Истерия поджидает!
Да и наш видать такой,
Стал лицом он сам не свой,
Не желая заседать,
Книги умные читать;
А в институт хоть и являлся,
Но не за знаньем, – рисовался
Он там для юных, милых дам,
Чтоб не скучать по вечерам...
Теперь душа его болит,

Как я сказал – огнем горит.
С комода трубку подхватил,
Оповещение отключил,
Искрой мелькнувшая идея,
Нутро его слегка лелея,
Вдруг к жизни стала возвращать,
Лицо студента оживлять.

Костюм любимый черный свой
Одел он в белую полоску,
Из кожи куртку на меху,
В карман вложил платок, расческу.
Ботинки с острыми носами,
Начистив до блеска, обул;
Шарф повязал себе на шею
И взор на зеркало метнул.
Улыбки нет, хладны уста,
Так не бывает, неспроста!
Взгляд переведши на часы,
Курчавы длинные волосы
Расческой уложил назад;
Летит он к другу – звать Бекзат.

Вот уж в комнате его,
Только нет ведь самого,
Друга милого Бекзата –
Полюбил его как брата.
– Где же милый друг, где он? –
Вопрошал, устроив звон, –
Постоялец где, хозяин?
– Сам себе Бекзатик барин!
И куда ушел – ни слова...
Это нам уже не ново! –
Выйдя с комнаты другой,
Отвечал старик седой. –
Все ж ему я не отец,
Сам он вольный жеребец! –
Лепетал арендодатель,
Скупердяй и вымогатель,
С длинным носом крючковым,
Узким бледным ртом сухим. –
Где нелегкая их носит!
За два месяца не плотит.
Говорил своей: старуха,
Укусила что ли муха?
Взять студента на постой,
Не накопишь и златой!
Дак, жалко стало ей его,
То бишь студента твоего,

Что ж,пустила «повитуха»,
Бывает и на них проруха!
Сколь пред ней ни воздыхай,
Сути дел ни разъясняй,
Например, для Вас мой дом,
Настежь дверь и ночь и днем;
Коль пожелаете к нам,
Будем рады, как друзьям,
Коих трудно нажить век,
Если в жизни не стратег.
Однако, ноне стар я стал,
Речью нудной докучал!
Но для Вас я – верный слуг,
Вы спросили: где Ваш друг?
Если память не подводит –
На экзамены он ходит;
Сессию сдает исправно
И учение заглавно,
Наперво всей жизни ставит,
Им живет, его и славит. –
И указав ручонкой дряхлой,
Не по годам иссохшей, чахлой,
Он в комнатушку, где стоял,
Пожухлый, старенький диванчик,
На коем кот хозяйский спал –
А комнатушка, как чуланчик,
Хоть и ничтожна, и мала,
Зато в одно окно – светла! –
Вишь вон, сколько книг ученых?
Жаль конечно, не значеных,
На столе и на диване,
И на полках – даже в ванне.
Ночь не спит. И в саму рань
Убежит! Вот-вот, застань
Ты его, попробуй, где ж!
Бабка ноет, проест плешь –
Задолжал дружок оплату
Уж поди вторую дату!
– Сколь он должен – заплачу,
А теперь прости – лечу!
Нужен мне Бекзат, как свет,
Как храмовнику завет! –
Ветрин выпалил, – и вон!
Лишь хозяин, восхищен
И доволен сим ответом,
Доложил жене об этом.

Только вышел от хапуги,
Как приятели и други,

Едва лбами не сошлись:
Так спешили, увлеклись,
Мыслями погружены
Ими же и пленены,
Не заметили друг друга.
Смехом легким от испуга
Встретились, пожали руки,
И приветливые звуки
С Митиных полились уст,
Наш ваятель Златоуст
Быстрый начал монолог –
Да и был к тому предлог:
– Сколько лет и сколько зим,
Хвалу небу воздадим,
Друг не виделся с тобой?!
Ты уважь, побудь со мной!
Как отметил «Новый год»?
Хотя знаю наперед:
С книгами, да за ученьем, –
Сим доволен заточеньем!
Не корю, не возражаю,
Одного не понимаю:
Все ж гуляют и поют,
И тебя с собой зовут!
Не об этом, впрочем, я –
Ты ж мне братом, как семья! –
Свое горло обхватив,
Корча муку, возгласив,
Ветрин дальше продолжал,
Голос трепетно звучал. –
Сессия петель весит,
Изнемог я, даже злит!
Есть в уме одна идея;
Без тебя моя затея,
Вряд ли может воплотиться.
В благодарность – расплатиться
За квартиру помогу
Честь по чести... и в долгу, –
Хлопнув друга по плечу, –
Не останусь, отплачу!..
О, эта суетность студента!
Пойдем ко мне, глотнем Абсента,
Что на сухую говорить!
– Позволь пред тем к себе сходить –
Опешив, восклицал Бекзат,–
Я тоже встрече нашей рад!
Только вихрем поднимусь,
С Копейкиными расплачусь
За аренду комнатухи,

Лишь бы мне вернул подушки
За долги и неуплату,
Вот несу свою зарплату.
Ты немного подожди
Аль со мной к нему взойди!
– Ладно, здесь тебя дождусь! –
Митя вымолвил; чуть грусть
На лице отобразилась.
Солнце к вечеру скатилось...

Быстрым шагом вдоль витрин
Они входят в магазин,
Накупив: колбас, ветчин,
Соков разных и маслин,
Не забыв про аспирин,
Апельсины, крепкий джин.
Взяв такси, несутся к дому,
По дороге выпив рому,
Очи уж огнем горят –
Встречи дух и ром пьянят.
Вот друзья уже в квартире,
Где в блаженстве и жуире
Пребывал молодой герой,
И с друзьями не впервой
Вечерами здесь гулял,
Коль не пил, тогда играл:
В «подкидного» ль, в «преферанс»,
Под гитару пел романс
Для друзей и для подруг...
Те, усаживаясь в круг,
Внемлют, затаив дыханье;
Свечей нервно трепетанье
Дополняет ту картину;
И на самую вершину
Голос медленно возносит
Али ветром вдаль уносит...
Ровно, нежно так поет,
Даже за душу берет.

Сотворив нехитрый ужин,
Ветрин молвил: – Слушай, Стужин,
Есть к тебе огромна просьба,
Только б это всё сбылось бы,
Мне экзамен нужно сдать,
Хитростью мы будем брать:
На зачетке переклеим
Фото... Как!? Скажи, поспеем
К послезавтрашнему дню?
– За доверие ценю! –

Вжавши голову, вскричал
Друг Бекзат, испив бокал,
Изумляясь той идее...
Пятна красные по шее
Проявились, поползли
И в щеках огонь зажгли.
– Послезавтра важный день,
Очень сложная ступень –
Сдать «Планирование...» надо
И берет меня досада –
В том предмете ты лишь бог! –
Подливая терпкий грог,
Другу Стужину в бокал,
Ветрин мысль ту развивал. –
Ты ведь знаешь сей предмет,
Я ж билеты на балет
В Мариинский, в лучшем ложе,
Коль попросишь, если гоже,
Вмиг достану, – ерунда!
Горьким пламенем нужда
Душу травит, в мыслях спешка.
Уж предвижу, как усмешка
Искривит уста хмельные
Всех товарищей; их злые
Языки начнут трещать,
Им бы только осмеять
Мой провал... Я то – предвижу,
Подлость эту ненавижу:
Коль отчислят – будут рады;
Столь позорную браваду
Сердцу б вынести, стерпеть?
Пальцы начали хладеть...
Помоги брат, выручай,
К горю друга воспылай!
– С фото, здорово придумал,
Об одном вот не додумал:
Хоть и фото переклеим –
Трудность эту одолеем,
Но декана провести
Мы не сможем, уж прости!
Больно там лицо моё
Всем знакомо. Это всё –
Можно было б на авось!..
Так надеялся, небось?
Не пройдёт!.. Помысли брат,
Вмиг с тобой разоблачат...
Нет, игра не стоит свеч...
Ты мою послушай речь! –
Воскличал Бекзат, привстав,

Руку кверху приподняв,
С кресла черного из кожи;
Пуговку своей одежи,
У горла нервно расстегнул,
К окну метнулся, распахнул
Он форточку. – Пусть воздух свежий
Охладит твой дух мятежный!
Чем всё время занят был?
По лицу я вижу – пил!
И душа живет, не вянет,
Пока гром с небес не грянет...
Митя, ты же не мужик,
Не глупец, не еретик,
Под единым Богом ходишь,
А себя дурьём изводишь!
В деле этом сам поможешь
Ты себе, и зря тревожишь
Своё сердце, душу мне.
Справишься во всем вполне,
Коль лениться перестанешь,
Из уныния восстанешь –
За учебники возьмись!
Где же знанию найтись?!
Если нет, тогда скрепись
И даяньем откупись!
Сам же знаешь, ведь не новость,
Проявивший хладнокровность,
Сдаст экзамен свой на пять
И улыбкой воссиять
Сможет снова, а коль нет –
На семь бед – один ответ! –
И окончив нараспев,
Да лицом побагровев,
Усевшись вновь, Бекзат кивнул,
Так заразительно зевнул,
Что захотелось спать и мне,
Ведь в час вечерний, при луне,
Сию картину вам вещаю,
Я, как и Ветрин, ожидаю,
Переживая с ним о том:
Он на коне иль под конем
То испытание пройдет?
Бывает жизнь и сильных – гнет!

Воображая, мот ходил,
Покой ногам не находил,
От входа в зал к окну слоняясь,
За мысль былую не цепляясь,
Ее отбросил – так решил,

И всхлипнув с болью: – Убедил! –
Он простонал ему. – Ты прав,
Нынче легок у нас нрав,
И даже хлеще в нашем веке
Поползновение в человеке
На различные проступки,
Ухищренья и «уступки»;
Совесьть черствая на боль –
Нет стыда! Меня уволь!
Не смогу и на полдела...
Совесьть есть – не очерствела, –
«Завалюсь» иль заплачу –
Это мне не по плечу.
Наш декан, Лаврентий Палыч,
С ним проректор, Оскар Яныч –
Подлинные моралисты,
Мы ж с тобой – авантюристы!..
Прав ты – нас раскроют быстро,
В этом деле очень мглисто
Я себе представил всё...
Что ж придумать мне ещё? –
И «сухое» открывая,
В чаши щедро разливая,
Вновь Бекзата вопрошал,
Тот лишь изредка зевал. –
Выучить за малый срок?
Костью в горле поперек
Сей предмет, покой отнял,
В угол, так сказать, загнал.
В нем не смыслю ни «бельмеса»,
Доведу себя до стресса.
Подскажи! Что делать, брат?
Ну ответь же мне, Бекзат!

Обновив вина бокал,
Сонный Стужин отвечал:
– Митя мой! Иль грудь в крестах,
Али голова в кустах!
И тебе ль ноздрями хлюпать,
Неизвестность думой щупать.
Хватит, полно горевать,
Наглость Вам не занимать!
Как девицам строить куры,
Мы горазды пасть в амуры,
Вам легко и без труда
Вынуть рыбку из пруда.
Где любовь, то там про вас –
Настоящий ловелас!
А как характер проявить –

Учить конспекты, не хитрить,
Пред знанием сделав реверанс,
Так сразу в сердце диссонанс!
Довольно, слышишь, душу рвать,
Сетовать на то, вздыхать...
День суетный на ногах
Я провел, с вина исчах,
В кресле чуть не засыпаю...
Не грусти, ведь я-то знаю –
Все наладится, поверь!
Время позднее теперь
Закрывает мои очи;
И луна взошла; и ночи
Мгла, смиряясь тишине,
Воцарилась в вышине!
Как прекрасен этот вид
Из окна... – А Митя спит,
Развалившись на диване.
Тихо всё... лишь горожане
Медленно бредут домой
По своей – прямой, кривой.

Глава 5

Скучен день до вечера,
Но делать было нечего...
Весь в заботах спозаранку,
И смирясь тянуть ту ляжку –
Ветрин учит всё, зубрит
И «вгрызается в гранит».
Так давно он не трудился,
Пятый раз со строчки сбился,
Пролистав с десятков книг;
Стужин их из дома вмиг –
Не было в пути затору,
Притащил аж целу гору,
Сам же в город удалился,
В институт – туда стремился.

Время ветром мчится будто,
Где секунда – там минута,
Где минута – там и час,
Пролетает время враз.
Вечер встал, и день погас.
Митя в чтение... Хладный квас
Пьет, ничуть не отвлекаясь,
Глубже в плед свой забираясь,
Он над книгой восседает,
Тяжко грудью воздыхает.
Много надо выучить,

Суть из текстов выудить –
Тяжкий труд и не простой,
Это вам не в «подкидной»
С ночи до утра играть
Али «лодыря гонять».

Тяжело дается, с боем,
Мысли ведь не ходят строем,
Все несутся напролом,
Напрямик и на излом...
Много книг он прочитал,
Столь мудреных, и вобрал
В них понятие понятем,
Но в понятие воспримьем
Здесь одним не обойтись,
Мысли в кучу собрались.
Митя злится, лицом рдеет,
А с окна прохладой веет.
«Там свобода, здесь тюрьма!» –
Мыслей море, целая тьма
Мимолетных возникают,
В голове его витают, –
Ветрин мучаясь, молчал,
Так в себе он рассуждал:
«Со вчерашнего болит,
Может это больше злит?»
За вопросом зрел вопрос,
И к черте – почти хаос
В голове: «Какой же черт
Дернул стать экономистом?
Может лучше трактористом?!
Выйти в рань в широко поле...
Хорошо дышать на воле,
Взор уставив в чисто небо,
И пахать!.. Всем хватит хлеба!»
Этим чувством сердце дышит,
Разум только не услышит.
Он продолжил горевать
И с собою рассуждать:
«Вот вчера сказал мне Стужин,
Друг мой милый, с ним я дружен:
«Проявив чуть хладнокровность...»
Сам я знаю, что не новость,
Только на прямую – нет!
Принесешь себе лишь вред!
Здесь бы надо чрез знакомых,
Ну а где найти мне оных?
Так что будем лес рубить
И деревья валить...

Только бы сподобил Бог –
Я бы смог, я знаю, смог!»

Вдруг звонок раздался громкий,
В трубке голос тонкий, звонкий:
– Митя, ты куда пропал?
Телефон свой отключал?
Где я только не искала,
Заходила и стучала
С вечера, часу в шестом –
Думала побыть вдвоем!
«Новый год» все отмечаешь
И по барам разъезжаешь? –
Прорывая горла ком,
Ветрин мямлил своим ртом:
– Я сейчас ужасно занят,
Поедают мысли, ранят;
Мне экзамен завтра сдать
Нужно, как бы так сказать,
Кровь из носу, слышишь, Лада?
– Я и голос слышать рада!
Только, как освободишься,
Обещай, что созвонишься
Ты со мной хоть в ночь... с утра!
Что ж: ни пуха ни пера! –
Лада, выпалив, умолкла.
– К черту, моя радость, пчелка!
Мы свое потом возьмем,
Песнь споем и выпьем ром! –
Митя тягостно вздохнул,
Головой своей кивнул,
Трубку отключив, убрал.
Вечер скучный донимал.

Час за часом не тянулся –
Вмиг секундой обернулся.
Уж не может, изнывает,
Нервно курит, вновь читает.
Заполночь, а он в ученье,
И волнуясь, в предвкушение
Дня своей экзаменовки...
Тут уж разные уловки
Не пройдут, предмет серьезный...
И профессор – дядька грозный,
Важно станет наблюдать –
Никому не даст списать.
А для пущей уж острастки,
Девушкам не строя глазки,
Руки заложив назад,

Будет хаживать; и рад,
Если вдруг кого заметит,
На листке своем отметит,
Не подав при этом вида,
Будет ждать тебя, ехиды.
И когда пред ним в ответе
На вопросы, что в билете,
Ты бормочешь пересказ,
На него не подняв глаз, –
Он, возмездья час вкушает,
Ваш покой не нарушает;
А закончив петь баллады,
Ты пятерки ждешь в награды,
Думая – везенье... рад!
Тут профессор строгий взгляд,
Бросив в вас, и резким «хватит!»,
Скажет: «Думали, прокатит?
Нет, меня не одурачить!
Я смогу Вас озадачить,
Раз такой лентяй Вы, неуч –
Ставлю в ведомости «неуд».
Жду Вас вновь, на пересдачу.
Больше не пытай удачу,
Лучше выучи теперь!»
И укажет вам на дверь.
Коль застиг Лаврентий Палыч
Вас, то здесь хоть хнычь не хнычь,
Что работал мол, болел...
Как пред ним б ты не бледнел –
Строгим был к себе, к другим,
К жалости людской «глухим»...
Знал – и потому учил
Митя наш; хоть не любил,
Все что смог, с книг почерпнул,
Глубоко зевнув, уснул.

Глава 6

Ночь прошла, прошла усталость;
Вялости чуть-чуть – лишь малость
От вчерашней подготовки;
Не приемлет ретировки
Ветрин наш, девизом жил:
Пришел, увидел, победил!

«Хладный душ приму и стану
Я бодрей, улыбкой вянуть
Не хочу, скажу точней:
Жизнь прекрасна, веселей,
Если первую улыбку,

Не считая за ошибку,
Подарю себе, вещая:
Жизнь красна!»... И мысль благая,
Зародившись, пробуждает –
Митю к жизни возвращает.

Перед зеркалом красуюсь,
И в ответах тренируюсь,
Гладко выбрился, оделся;
И пиджак к лицу смотрелся
Мастера Анри Боте –
Он искусен в красоте –
Выполнил работу смело
И уважил – знает дело.

Ветрин в дверь... И город снежный,
Видом важный и безбрежный,
С деловою суетой,
Его кутает собой.
Митя мой к тому привык
И душой давно проник
Он к красавице Москве;
Пел во внутренней хвале:
«По душе мне, милый град,
Твой заснеженный наряд –
Радует мне очи, сердце!
Ты любому люду дверцы
Отворишь, – гостеприимна!
Хоть на первый взгляд наивна:
Не сломил брат басурманин,
Ни монгол и ни татарин;
Бил француз и немец бил,
Но тебя не покори!

Ты стоишь неколебима,
Верой в Господа хранима,
И двуглавый твой орел
Крылья в небе распростер
Над землей великорусской –
Ей тропой идти не узкой.
И Петровский триколор
Стяг украсил; и убор
Над главой двуглавой вьется
И Имперскою зовется
Он Короною России.
Нет, не снять! Языки злые,
Как бы вместе ни старались,
Лишь «с носами» оставались.
Ты, России сердце знай,
Недругов не подпускай!

Я с любовью безмерной
Буду сыном тебе верным,
Послужу своей Отчизне,
Сделаю пусть мало в жизни,
Но любовь в груди я сохраню
И в сердцах других воспламеню!
Ты, Москва моя, золотокупалая,
Вся в снегу укутана, мудроглавая,
Радостью своей меня согрей
И к другим теплом не оскудей!»

В своих думах по дороге,
Мыслями весь в монологе,
Шел мой Ветрин по бульвару,
Выбросив свою сигару,
Семимильными шагами –
Снег хрустит под сапогами,
В МГУ... В душе тревога:
«Нет пути мне отступного,
Но не сдамся, буду биться
Насмерть, только б не разбиться
О гранит науки крепкий.
Ничего, я парень цепкий,
Устою, не оробею,
Сдам экзамен – я сумею!»

Как дошел и не заметил
В институт; уже приметил
Сокурсников улыбку злую –
Зубоскалят напрямую.
«Пусть немного поглумятся,
Проще буду я казаться
В их глазах, пробьет мой час,
Посмотрю тогда на вас!
Впрочем, что мне? Все равно,
В небе всё предрешено!
Главное – экзамен сдать,
После будем рассуждать» –
Пронеслось в его главе...
Много думал о судьбе
И о вечной о борьбе,
Но чаще вскользь, казалось мне.

Зашел в просторный кабинет
И молча вытянул билет.
На Митю свой вперяя взгляд,
Профессор ищет результат
В лице его... Но где же страх?
Подумал: «Этот мальчик, ах,

Как горд, и страх мне свой не кажется,
Ну что ж, посмотрим, что расскажет!»

Вопрос коснулся, рад премного,
Хоть не планирования финансового,
Но всем любимого труда,
Где в управление нужда:
Все просчитать, пересмотреть,
Враз запланировать; суметь
Задачи, функции понять,
Структуру управления знать.
Нелегко труд, да нет такого,
И в каждом зиждется основа,
Начало на простом стоит –
Старанье, труд – твой дух скрепит.
Итак, тема звучит в начале:
«Планирование потребности в персонале».
Слегка почесывая нос,
Он прочитал затем вопрос:
«Задачи плана по труду и персоналу».
Нет места ныне лежебоке и бахвалу,
И производству нужен трудоголик,
Конечно, если он не алкоголик;
Создание трудового коллектива,
Чтоб и была в дальнейшем перспектива
На повышение, рост квалификации
И улучшение труда организации;
Благоприятные повысить всем условия
Труда и отдыха, и нет здесь недомолвия,
Чтоб не испытывалась антипатия
Между сотрудниками предприятия;
И стимулирования поднять рост,
Производительность труда и качества прирост;
И каждый раз производить ротацию,
На содержание персонала средств оптимизацию.
Процесс планирования труда является основой
Тактического плана в жизни новой...
Я не хочу ответом утомлять,
Чтоб более нам здесь не заскучать,
Лишь об одном скажу, обмолвлюсь –
Экзамен сдан! На том условлюсь
Не отвлекать вас на пустое,
А к мыслям, к сути – в основное.

– Что ж, удивлен тобой немного...
Вам стоило труда большого
Все выучить от «а» до «я»! –
Сказал профессор, не явля. –
И более скажу: доволен Вами!

За книгами сидели вечерами?
Заслуженно в зачетке ставлю пять,
Надеюсь, далее порадуешь опять!
Что мой предмет прогуливал – я знаю,
Но в том тебя ничуть не упрекаю,
Хоть может это не прилично,
Ты знаешь сам о том отлично.
Пусть в глазах я ваших консерватор,
Но бываю также и новатор!
Впредь в порядке исключения,
Вам свободно посещение
Разрешу на мой предмет,
Сохраним этот секрет!
Видел Вас я пару раз,
От моих не скрылись глаз;
И на Вас имею мнение,
Вижу в Вас способность, рвенье...
Да раденья маловато –
Жизнь младая бесновата;
В нашем извращенном веке,
В шумном ритме, злостном беге,
В суете себя не видя,
В будущность глядим мы, сидя
За обеденным столом –
Сим довольны житием! –
Ладонью хлопнув по столу,
В каком-то ревностном пылу
Преподаватель речь повел;
Во взгляде Митином прочел,
Что тот его не понимает,
Из вежливости лишь кивает. –
О, я смутил Вас и отвлекся,
Ведь сам себе я в том зарекся,
В философски размышленья
Не впадать – сие ученье
Расточает твердый ум.
Грек Платон – тяжелодум
Прав, сказав о государстве:
Только в идеальном царстве
Всё стоит на своем месте.
Я б добавил: только вместе
Сможем царство воссоздать;
В книге каждый написать
Мог бы али вслух сказать!
Всё, оставим, я иное!..
За дверьми осталось двое?
Пусть немного подождут,
Полагаю, не уйдут. –
Профессор с куцей бородой

И поредевшей головой,
Картавя «р» спросил враспев,
В упор на Митю поглядев. –
Мне известно – Вы с Ямала!
Как живет народ там малый?
Край богат – с вами «Газпром»!
Впрочем, снова не о том...
Митя! Ваш отец – владелец,
Слышал я, большой умелец –
Типографию открыл,
Книжну кажется, забыл?!
– Так и есть, – ответил Митя,
Пред профессором всё сидя,
От вопроса чуть привстав...
И румянец по щекам, заиграв,
Прошел небыстро.
Мысль искрой в главе немглистой
Пронеслась, он вновь присел,
В вопросе том червя узрел, –
Да, мой отец давно владеет
Той типографией, умеет
Он заправлять там все дела,
Работать любит, как пчела.
– О, то похвально, между прочим,
Труд украшает, даже очень!
Трудом я многое постиг
И написал с десятков книг, –
Сказав, экзаменатор вновь продолжил, –
Трудиться каждый в мире должен,
И даже скромный муравей,
Трудяга малый – тем милей.
Я книгу снова написал,
Вот только, правда, не издал,
А может Виктор Павлович поможет?
Как думаешь, его не потревожит
Столь скромна просьба? Удружите!
Я тоже не оставлю вас в обиде...

Меж ними пауза легла, продлилась...
И выше этажом вдруг что-то вдребезги разбилось,
Они услышали – над кабинетом;
Мгновенье Ветрин мешкался с ответом,
Мелькнула мысль: «Такова цена!»
– Не беспокойтесь! Просьба мне ясна, –
Он отвечал, с натяжкой улыбаясь,
Челом лоснясь, немного запинаясь, –
И трудности большой не представляет!
– Ну, по рукам! Я рад за тех, кто знает,
И видит, метит всё издадека,

Тот выиграет уж наверняка! –
Сказал декан и лисом ухмыляясь,
В батистовый платок сморкнулся,
Очки поправив на носу,
Продолжил: – Вашему отцу
Премного буду благодарен,
Ведь я – Лаврентий Павлович Халявин! –
Со стула властно приподнялся,
Небрежно ручкой расписался
В зачетке Ветрина декан,
Как неуклюжий, важный пан,
Немой усмешкой заискрил –
Халявин сделку оценил.
Пожали руки, Митя вышел;
И глубоко вздохнув, услышал,
Как за спиною шепоток
Пополз тихонько: – Вон, знаток,
Пошел довольною походкой,
Пять получил, селедку с водкой
Накупит, будет угощать... –
Нахлынули нахлебники, как рать,
А Ветрин шел, других не замечая,
Не шел, а плыл, улыбкою сияя,
В ближайший гастроном неторопливым шагом,
Ведь грустны мысли обернулись благом.
«Жизнь набирает прежний оборот, –
Подумал Митя, счастью не веря, –
Казался мне Халявин лютым зверем,
Он прав, сказав: в наш сумасшедший век,
О, как загадочен бывает человек!»

Часть II

Глава 1

Напишет легкое перо:
Спешите сотворить добро,
Пока не сотворили вам,
Таким же милым «добрякам».
Россия, честная Россия,
Честна ли ты, тебе ль Мессия
Вселял в умы, влагал в сердца,
Рукой ли самого Творца
Народа подданного гнать
И злое сеять, разобщать?
Живи народом! В нем живое...
Тебе ль не знать – твое!.. родное!
То плоть!.. Кровинушка своя!
Его беречь – вот роль твоя!
О ты, Россия, мать народов!

Когда распалась от невзгод
Умы твои ль вели тебя?
Ты ль не роптала вне себя?
Роптанье?! Нет!.. То глас народа!
Пусть не высока ныне ода,
Но твой поэт к тебе писал,
Кричал, хрипел – теперь устал.
Исчез поэт, осталась проза...
И то – не та – одна угроза
Пасть в бескультурье, баловство,
Разврат идейный, бесовство.
И с болью в сердце! В сердце с болью!
Одной любовью, лишь любовью
К народу надо вновь воспрять,
Заботой, ласкою объять.
В народе истинно богатство!
И только мудро государство,
С заботой, лаской праотца,
Вернет доверие в сердца
Людей своих, своих детей...
Так сей любовь над миром, сей!

На столике, что у дивана,
Будильник, зазвеневший рано,
Лениво сонная рука
Отключит; и опять нога
Неверный тапочек наденет,
Другую снимет, ей же сменит...
И к ванной медленно бредя,
Бекзат прошепчет про себя:
«Россия, честная Россия,
Тобой владеет ли стихия?»
На том, зевнув не разбираясь,
Умывшись, быстро собираясь,
Бекзат уходит на работу,
Прогнав с лица печали ноту;
Но предрассветная дремота
Покой отняла; неохота
Большая зиждилась внутри.
«Все ж чей-то голос раза три
Со сна ль шептал мне о России;
И о неведомом Мессии
Греза ль коснулась вдруг нутра?» –
Он тяготел в себе с утра,
Сон отмахнув, в сие не веря.
Читатель мой, настанет время,
В том разберемся, что к чему –
Мне интересно самому!

И утром ранним, как обычно,
Идет дорогою привычной
Бекзат один, не торопясь.
Листок приметил – тот кружась,
Летел, и ветерком гонимый,
Описывал свой путь незримый,
Махал кленовою рукой –
Иссохшей, желтой, но живой.
«Должно быть с осени остался
На ветке, только оторвался
Зимой, морозом не стабильной?
Взмахнув рукою многожильной,
И по заснеженным проулкам,
Да незнакомым переулкам,
Полет свой первый, неумелый,
Вершил кленовый листик смелый». –
Так думал Стужин, наблюдая
За тем листком, с тоской зевая,
Кленовый – душу пронимал,
Тоску по дому навевал!..

Среди величественных, важных
И вековых, многоэтажных
Домов, он шел в свою контору.
Душа его легла к минору,
Но день свой с грусти начинать
Бекзат не любит, и гадать,
Явилось что тому причиной, –
Он с безмятежною личиною
Гнал все тоскливое в себе,
С морщинкой малой на челе.
Вот дом в семь этажей стоит:
Три первых этажа в гранит
Влились и стали постаментом,
А остальные – позументом
С лилово-бронзовым отливом,
Три нижних с черным переливом
Стоят; и гордо, сановито
В них дверь всегда для всех открыта,
И надпись крупна: ООО
Компания страхгос «Югро».
В той фирме страховым агентом
Работал он; своим клиентам
Услуги фирмы продавал,
И что ни день – контракт ковал.
Толковым был страховщиком
И обладал «живым» умом,
Стремился менеджером стать...
А что, пускай! Ему подстать!

Он на седьмой этаж спешит –
К директору с утра визит;
И коль назначит в девять ровно,
Без исключения, поголовно
Быть в девять ровненько, как штык, –
Старик так к точности привык,
Что на себя порой ворчал,
Коль за собою примечал,
В назначенный самим же срок
Чуть припоздать, тогда висок
Его несчастный и страдал –
Корявой нервно потрепал,
Начав безудержно брюзжать,
Себя корить и бичевать;
Но все ж, отходчив – извинится,
И настроенье возродится
На желтоватеньком лице,
И о горяченьком словце
Забудет, снова бодрый вид
Всех к разговору приобщит.

Лифт на седьмой этаж поднимет,
А зеркало усталость снимет –
Тем, кто не любит улыбаться,
Придется тут же рассмеяться;
Там, в лифте – зеркало кривое,
Причудливое, озорное;
Всем рожицы кривит смешные...
И лица грустны, уставные
Сменяет откровенным смехом;
А где улыбка – там успехом
Любое дело обернется,
Улыбка только в плюс зачтется.

Бекзат в назначенное время,
Слегка почесывая темя,
Стучит в золоченую дверь,
Так тихо, словно робкий зверь.
– Войдите! – Голос громкий скажет, –
Так, так Бекзат! – присесть укажет,
Картавя в кривенький прикус;
Седой подкручивая ус,
Как стрелку на ручных часах,
Сидел шеф в маленьких очках,
Листы рукой перебирая, –
Досье на Стужина читая,
С высокой спинкой в синем кресле...
Директор в страховом ремесле

Был «царь» и «бог» – с нуля поднял
В дни перестройки капитал.
Куранты били девять раз.
К стене взметнув свой вострый глаз,
Владелец крикнул, бровью двинул,
– Ценю, ценю! Я тут прикинул, –
С хвалебной нотки речь начав, –
Анализ ценный прочитав,
Тобой написанный – хвалю!
Копейка катится к рублю! –
Руководитель повторял,
Его находку одобрял,
Уловку с выплатой замять
По ДТП – ценой снижать,
Оформив европротокол,
В законе выискал прокол.
На похвалу Бекзат смолчал,
В щеках румянцем засиял.
«Так вот к чему меня позвать!..» –
Взялось под ложечкой сосать,
Мысль эта сердце тербила
И краснотой подкатила.
– Тебя я вызвал, важно дело
В уме моем давно созрело...
Ты в нашей фирме третий год?!
Есть предложение, – начал тот
Агенту мысль излагать, –
Вас в штаты менеджером звать,
Партнер надежный в деле нужен!
Не подведешь? Что скажешь, Стужин? –
Бекзат шатнулся, заморгал –
Он новости такой не ждал
С утра, еще и в понедельник,
Пред рождеством Христа, в сочельник.
Теперь взялись не только щечки –
Побагровели обе мочки,
С волнения речи дар отнялся,
Но все ж, чуть медля, подсобрался
И боссу бойко прокричал,
Как будто клятву обещал:
– Не подведу, Матвей Филиппович Лукавин,
Как не подвел страну наш космонавт Гагарин!
– Что ж, я доволен сим ответом –
Сказал Лукавин – по рукам, при этом
Оклад ваш повышаю раза в два,
Пусть будет так пока, сперва,
А далее посмотрим на работу,
Впрочем, доволен – жду в субботу
С отчетом на моем столе...

Как говорится: «Будь всегда в седле!»

Так должность новую приняв,
И день с приятного начав, –
С табличкой личный кабинет,
Балкон, ажурный парапет,
Стол, кресло, полки, ламинат –
Минимализма здесь уклад,
Для максимального пространства,
Для дел простых, а не жеманства,
Его за дверью поджидал...
Бекзат с волнением вступал
В тот офис. После был банкет...
Не обошёл нас сей предмет!
Среди народа есть примета,
Как быть от старого завета –
Все повышенья обмывать!..
А кто ж не любит погулять?!
И Митя, современных правил,
Себя недолго ждать заставил
И ящиков примерно пять
Купил шампанского, ведь рать
Друзей нагрянула мгновенно...
По-русски, необыкновенно,
С размахом щедрая душа
Гуляет! После не спеша,
И с песней, шумною гурьбой,
Кто в состоянье – брел домой.

Глава 2

Свежа Москва крещенским утром.
На Красной, в самом месте людном,
Наш Митя брел под руку с той,
Что позвонила в час ночной,
Его спросила, супя брови,
От юной, бурной, страстной крови:
– Моим звонкам не отвечаешь?
– Ах Лада, милая, ты знаешь,
Я занят был одной проблемой.
– Какой же, милый друг, дилеммой,
Ты занят был, коль не секрет?
– Наукой, ведь ученье – свет!
Но, слава Богу, вне проблем,
Я отошел от этих тем.
– Мить, ложь твоя мне много обещает,
Да вот беда, уж больше не прельщает!
Какая боль – была пьяна тобой!
О, как наивно тешилась игрой
Твоих речей пленительны оковы,

Жаль, что обман имеет в них основы.
– То мнительность твоя тебя язвила
И ревность понапрасну возбудила!
Что не звонил, тому была причина,
Но этому ль печаль, кручина?
Твоих упреков не пойму...
Дай я печаль твою сниму! –
Он, резко приподняв её, вскружил
Так быстро, что едва не уронил;
Смеясь, наземь бурчащую поставил,
И шубки ворот Лады приподняв, добавил: –
Чем ни был занят я, и где бы ни скитался,
К тебе, моя звезда, одной лишь возвращался!
–Тебя, мой Митя, я не обвиняю,
Но впредь Вас видеть больше не желаю! –
И в ноги бросила букет из желтых роз. –
Вам не увидеть больше моих слез!
Лишь окрыленный вид меня пленил
И мне – несчастной голову вскружил.
Хотела верить вам, мой нежный друг,
Да Ваши чувства – временный недуг!
Мне одолжений ваших более не надо,
На сём твоя закончена бравада! –
И захрустев по снегу каблучками,
Платок сжимая нервными руками,
Она ушла... а он стоял, молчал,
И что сказать ей вслед, увы, не знал;
Смотрел на увядающий букет.
«Ничьим теплом не будет он согрет!» –
В нем, скрежеща, мысль проползла и смолкла.
Любовь плотская в веке всяком колка!

В глубоких размышленьях сам с собой,
Шум городской, возню не замечая,
Герой плелся по снежной мостовой,
С задором строчку: «...боле?» вспоминая.
За этим безобидным увлеченьем,
Судьбой ли, роком ли, теченьем
В окне трамвайном деву увидал?
Ту, что во сне!.. Которую не знал!
Их встретились глаза, на миг застыли,
А все вокруг куда-то так спешили,
Но миг прошел, трамвайчик скрылся,
И образа он вновь лишился.
Не понимая, что произошло,
Стоял, как истукан... а время шло.
И как-то все в душе его смутилось,
Рождалось, рвалось и вершилось,
Мгновеньем помутнело все в глазах.

«О ней ли грезил я во снах?
И та ли песня о весне
Легла на сердце, и в челне
Я ветром мчался, и сирень
В руках была моих, и гленье
Пред мной стелилась, чернь кричала?..
Меня ли море в шторм встречало?
Аквамариновый браслет
В песках лежал, как яркий след –
Знак вопиющему в пути
И жаждущему обрести!..» –
Он с болью в сердце вопрошал.
Снег сыпал с неба, кто-то ждал
Трамвайных дней, сплетенных в нити,
Что не найдете вы в «Лолите»,
Что в «Докторе Живаго» есть,
Кто не ленив, то смог прочесть.

Поймав такси, отправился домой;
И Стужин здесь вослед кричит: «Постой!»
Помчались... Печален Мити взор.
Нам предстоит послушать разговор:
– Ну что же ты совсем не весел,
Младую голову повесил?
Аль приключилась беда?
Иль снова черная череда
Тебя язвит? – О нет, мой друг,
Печален я, и тускло все вокруг...
Видать градская толкотня
Вполне измучила меня,
Не по душе и праздность жизни,
Мне опостыли в организме –
Томлюсь я, сердце теребя...
– Как не похоже на тебя!
Приди в себя, тебя ль я слышу?
– Да понимаю я, всё вижу,
Но для себя не уловлю –
Я словно нервную игру
На скрипке, с порванной струной,
Услышал за своей спиной.
–Какая скрипка, что с тобой?
Какой расстроен ты игрой?
– Расстроен? Нет, скорей смущен,
Я будто потерпел афронт!..
Слов нужных мне не подобрать,
Я разучился излагать,
То, что граничит рядом с былью,
Года овевали уж пылью...
Могу сказать тебе одно –

Жизнь кадром старого кино
Порой пред нами предстает,
Оповещает, знак дает;
Но это тем, кто видит свет
Сквозь призму чуда, среди сует. –
Таинственно шепнув, герой зарделся,
От слов своих смущенно огляделся,
Себя он под прицелом ощущал,
Вздыхнув глубоко, снова продолжал: –
Я не аскет и не догматик,
Я не холерик, не флегматик,
Не меланхолик – не секрет,
И не сангвиник, мой ответ:
Среди всех живущих теорем,
Я – симбиоз в квадрате тем!
– Пусть так, но что тебя смутило,
Что сердце юно загрузило?
– Поведаю тебе, Бекзат,
Хоть мой рассказ и странноват,
Но это дело давних лет:
Я ехал в университет,
Сюда, в Москву мой поезд мчал,
И месяц тускло освещал
Мой путь... – И что ж? – Да, сон мне был,
Который я почти забыл,
Но вспомнил ныне, день настал, –
Я и не думал, не гадал,
Ту деву юну, что во сне
Увидел здесь!.. Сейчас!.. И мне
Не верится, но этот взгляд
Сковал, пленил и словно яд
Разлился в жилах, стынет кровь...
Мне не забыть – увижу ль вновь?
Как в лихорадочном бреде
Меня знобит, несущу бурду!..
– Сон говоришь? Что ж было в нем?
– Ай, муть, пустяк, и суть не в том.
Устал! Все, хватит о былом!..
Жизнь не смыкается кольцом! –
Сказал. И грусть смахнул рукой
От верха к низу. – Бог с тобой!

И к дому быстрое авто
Доставило друзей; и то,
Что было грустью, вмиг распалось,
В душе его уже не зналось,
Не ведалось, и этот бред
Он гнал, укутавшийся в плед;
А Стужин здесь, вне суеты,

Готовил кофе у плиты.
Костюм обычного покроя,
Оттенка темного алоэ
На нем одет, слегка помят,
Но сносен, хоть и простоват.
Его чуть бледное лицо,
Хотя смышлѐно, но просто,
По нраву мне. Явлю я в нем,
Что днем не сыщете с огнем;
Оно в преддверье, на устах –
То вижу в черненьких очах.
Был невысок и худ собой,
На среднем – перстень золотой
Носил Бекзат – наследье дедов,
Как талисман поверья веков.
Из казахстанских к нам сторон
Он тем же ветром занесен,
Что Митя и другие лица;
Спешат! Радушная столица,
Выпускников из разных стран,
Какой бы не был он буян,
Всех приютит – тем славясь в мире,
И кто невежество в сатире
О ней писал, тот был неправ,
Тот сам невежа и лукав;
Хотел пребыть в большом гламуре,
Увяз лишь в скромной авантюре.

Журналом глянцевым шурша,
Он кушал кофе не спеша.
Очередной рекламы строки
Читал; а сплетни, дразги, склоки,
Что модны ныне на миру,
Его наскучили нутру –
Их опускал, листав страницы:
Вот тушь преобразит ресницы,
А здесь про зимнее пальто
И про шикарное манто;
На следующей – модный бренд
Костюмов, что интеллигент
Приобретает в бутиках,
А тут – о новеньких часах;
Но вот картины панорама,
Нет, вроде точно не реклама
Так увлекла Бекзата взгляд:
Там был прекрасный летний сад;
Фонтанов, статуй вдоль аллей,
Красивых, кованых скамей
Он панораму созерцал.

В глуби ландшафта наблюдал:
С размахом, вычурно усадьба
Стояла, словно пышна свадьба,
Правее – чудный, дивный храм
И надпись: Ныне быть судам!
Как знак, подсказка, сердцу звон.
Он вспомнил свой недавний сон,
Где голос чей-то пробуждал
И к совести людской взывал.
Журнал откинув, – Что за вздор,
Глаза мне кутает, как флер?! –
Смутившись, Стужин прошептал.
Бой полночь на часах вещал
Колокольным звоном стройно
На стене; и беспокойно
Сердце сжалось, мысль давила,
Распространялась, как бацилла,
Плела внутри какой-то план...
Ах вот, Бекзат наш – англоман!
Он хочет жить-желевать там,
В особняке, где рядом храм...
Так сердцу полюбился вид,
Что хоть заплачь, завой навзрыд!
Гасил он сердца страсти пыл,
Был реалист, хотя и слыл
Мечтателем, кто ж не мечтал
Залезть на высший пьедестал?
Чтоб каждый мог о вас сказать,
А может пальцем показать,
Глася при этом: парень тот,
Достигший неземных высот,
Мечтал от юности своей,
Поставил цель и слился с ней, –
Он жил в ней каждый Божий день,
Вот результат – кто гордость, лень
В себе дознавшись, победит –
Успеха вскрыет алгоритм!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.